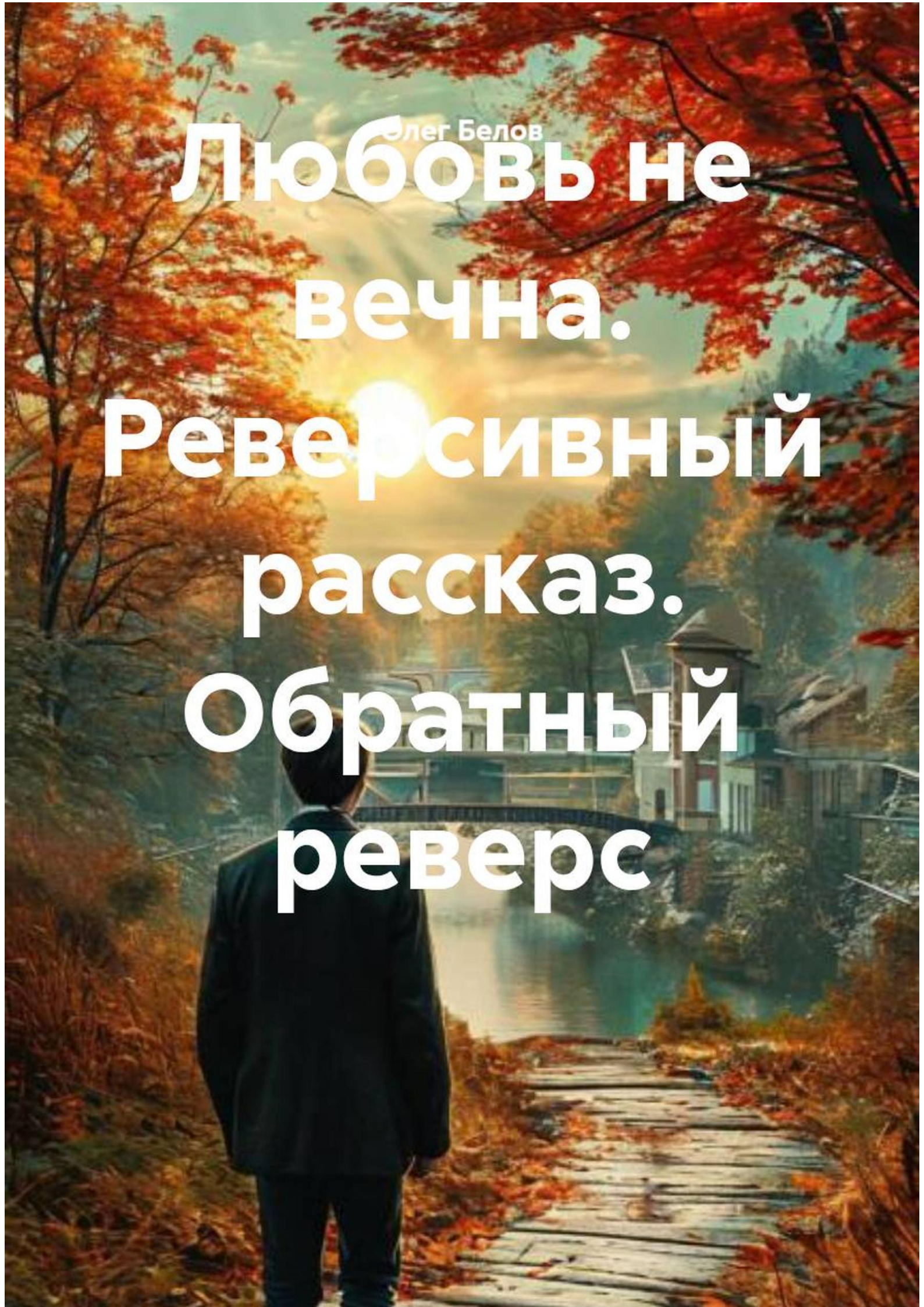

Элег Белов
**Любовь не
вечна.**

**Реверсивный
рассказ.**

**Обратный
реверс**

Реверсивный рассказ

Олег Белов

**Любовь не вечна. Реверсивный
рассказ. Обратный реверс**

«Автор»

2026

Белов О.

Любовь не вечна. Реверсивный рассказ. Обратный реверс /
О. Белов — «Автор», 2026 — (Реверсивный рассказ)

Представляю вашему вниманию уникальную концепцию реверсивного рассказа. Особенность состоит в том, что его можно читать в прямом и в обратном направлении. С первой главы до последней, и с последней по первую. Смысл при этом конечно же не будет одинаков. Но история в обоих вариантах будет связанной, и вполне логичной. Приятного прочтения.

© Белов О., 2026

© Автор, 2026

Олег Белов

Любовь не вечна. Реверсивный рассказ. Обратный реверс

Глава 7. Пробуждение

Он открыл глаза, и мир оказался белым.

Это не был тот агрессивный, больничный свет, от которого хочется зажмуриться и спрятаться обратно в темноту. Нет — он был мягким, рассеянным, как утренний туман за окном, который ещё не решил, растает он или останется на весь день. Где-то на границе восприятия гудел климатический прибор, и этот гул был единственным, что связывало Алексея с реальностью, — всё остальное казалось сном, из которого он только что вынырнул, но детали которого уже растворились, оставив только ощущение. Ощущение было странным: ни плохим, ни хорошим, просто незнакомым, как бывает незнакомым собственное лицо после долгой болезни, когда смотришься в зеркало и не сразу узнаёшь.

Потолок над ним был идеально ровным, без единого пятнышка или трещины. Он смотрел в него долго, наверное, несколько минут, пытаясь собрать мысли в подобие порядка. Мысли не собирались. Они были как рассыпанные бусины — каждая сама по себе, без нитки, без узора. «Я жив», — подумал он. «Я в каком-то медицинском учреждении». «У меня ничего не болит». Это всё, что удалось извлечь из сознания. Факты, простые и голые, как больничная кушетка, на которой он лежал.

Он попробовал вспомнить, как здесь оказался. Память услужливо подсунула ему вчерашний день — или это было не вчера? — приёмную с аквариумом, администратора с колыбельным голосом, седовласого врача, который что-то объяснял про нейронные связи и протоколы. Потом была подготовка, несколько недель, когда ему кололи что-то, от чего эмоции становились тусклыми и далёкими, как голоса за стеной. Потом — финальная процедура. Он помнил, как лёг на эту самую кушетку. Помнил, как врач закреплял на голове холодные лепестки шлема. Помнил, как закрыл глаза. А потом — ничего. Белое пятно. Провал.

Сколько времени прошло? Час? День? Он не знал.

Он осторожно пошевелил пальцами — сначала на руках, потом на ногах. Тело слушалось, хотя и с некоторой задержкой, словно между мозгом и мышцами образовался едва заметный зазор. Он поднял руку, поднёс к лицу, посмотрел на ладонь. Ладонь была его собственной, с теми же линиями, с тем же маленьким шрамом у основания большого пальца — от консервной банки, которую он неудачно открывал лет десять назад. Он помнил эту банку. Помнил тот вечер, тесную кухню в старой квартире, даже запах тушёнки помнил. Это было его, неотъемлемо его. А дальше? Дальше была пустота, гладкая, как этот потолок.

— Алексей Валерьевич, как вы себя чувствуете?

Голос раздался откуда-то слева. Он повернул голову — движение далось с усилием, шея затекла, — и увидел врача. Тот стоял у изголовья, уже без шлема, без ассистентки, один, и

смотрел на него с тем же нечитаемым выражением лица, что и раньше. Только теперь в этом выражении появилось что-то новое — не то удовлетворение, не то усталость.

— Никак, — ответил Алексей. Собственный голос показался ему чужим: хриплый, низкий, как после долгого молчания. — То есть... нормально. Голова немного тяжёлая.

— Это естественно. Процедура завершена успешно. Вы находились в фазе активного каскада около трёх часов. Сейчас мы наблюдаем стабильные показатели. Я бы рекомендовал вам остаться под наблюдением до завтра, но если вы настаиваете, мы можем оформить выписку уже сегодня.

— Сегодня, — сказал Алексей и сам удивился тому, как быстро и уверенно это произнёс. — Я хочу сегодня.

Врач кивнул. Он явно ожидал такого ответа.

— Хорошо. Тогда через полчаса медсестра принесёт вам одежду и документы. И ещё — стандартное предупреждение. Мы заблокировали целевую нейронную сеть, но мозг — сложный орган. Иногда, крайне редко, могут возникать фантомные ощущения, обрывки образов. Не пугайтесь, если вам покажется, что вы что-то почти вспомнили. Это иллюзия. Связи разрушены необратимо.

— Я понимаю, — соврал Алексей. Он ничего не понимал, но ему хотелось, чтобы этот разговор поскорее закончился. Врач ещё раз кивнул и вышел, бесшумно притворив за собой дверь.

Алексей остался один.

Он сел на кушетке — медленно, прислушиваясь к телу. Тело не протестовало. Он спустил ноги на пол, и холод линолеума пробрал до щиколоток. В палате было тихо, только кондиционер всё так же мерно шумел в своём бесконечном ритме. Он огляделся: белые стены, белая мебель, никаких личных вещей. Его одежда — джинсы, рубашка, та самая старая куртка с заштопанным локтем — лежала на стуле аккуратно сложенная. Рядом стояли ботинки. Всё было готово к тому, чтобы он ушёл.

Он оделся медленно, застёгивая пуговицы одну за другой, словно каждое движение требовало осознанного усилия. Мысли всё ещё были вязкими, но постепенно начинали обретать привычную структуру. Он знал своё имя. Знал, где живёт — съёмная квартира на Ленинском проспекте, третий этаж, окна во двор. Знал, что у него есть работа — что-то связанное с логистикой, цифры, таблицы, ежедневная рутина. Знал, что родители живут в другом городе и он звонит им раз в неделю, по воскресеньям. Всё это лежало на своих местах, ровненько, как вещи в чемодане.

И всё же чего-то не хватало.

Это чувство появилось не сразу. Сначала была просто лёгкость — та самая, обещанная врачом, свобода от чего-то, что раньше давило. Он даже улыбнулся было, завязывая шнурки. Но по мере того, как он двигался, выходил из палаты, прощался с администратором, расписывался в каких-то бумагах, эта лёгкость начала трансформироваться во что-то другое. Не в

тяжесть — нет, тяжести не было. Скорее — в невесомость, в ту особенную невесомость, которая бывает в самолёте, когда попадаешь в воздушную яму и желудок на долю секунды подпрыгивает к горлу. Будто внутри него образовалась полость, вакуум, который пока ничем не был заполнен.

Он вышел на улицу, и его ослепило солнце.

День был ярким, солнечным, из тех, что случаются после затяжных дождей, когда город ещё мокрый, но небо уже чистое, вымытое, синее до рези в глазах. На тротуаре блестели лужи, и в них отражались дома, деревья, люди, спешащие по своим делам. В воздухе пахло мокрой листвой, бензином и свежестью — тем особым, почти морским запахом, который появляется в мегаполисе только на несколько часов, прежде чем снова уступить место выхлопным газам и пыли.

Алексей остановился на крыльце, сунул руки в карманы куртки и глубоко вдохнул. Прохладный воздух вошёл в лёгкие, прояснил голову. Ему следовало бы радоваться. Он и радовался — наверное. Он сделал то, за чем пришёл. Избавился от того, что мучило его месяцами. От боли, от воспоминаний, от человека, чьё лицо он ещё недавно видел так же ясно, как своё собственное. Теперь этот человек исчез. Его больше нет. Свобода.

Так почему же внутри эта странная, ноющая пустота? Почему каждая клетка тела словно ищет что-то на ощупь, как будто он забыл дома ключи или выключить утюг?

Он отмахнулся от этого чувства. Побочный эффект, сказал бы врач. Фантомные ощущения. Мозг перестраивается. Пройдёт.

Он двинулся вниз по улице, не имея определённой цели, просто разминая ноги после долгого лежания. Город жил своей жизнью: гудели машины, перекрикивались воробьи, у ларька с шаурмой стояла короткая очередь. Всё было как обычно. Всё было в порядке.

И вдруг он замер.

Прямо перед ним, через дорогу, виднелась вывеска книжного магазина — старая, облупившаяся, с медными буквами: «Букинисть». Над входом раскачивался выцветший зелёный тент. Он не знал, почему остановился. Он не помнил этого места. Никогда здесь не был. И всё же что-то внутри него сжалось — мягко, почти нежно, как сжимается сердце при звуке давно забытой мелодии, которую ты не можешь опознать, но которая почему-то трогает до слёз.

Он стоял и смотрел на эту вывеску, на тент, на пыльную витрину, в которой виднелись ряды книжных корешков. В горле у него пересохло. Он хотел отвести взгляд, пойти дальше, но ноги не слушались. Ему казалось — нет, не казалось, он был почти уверен, — что с этим магазином что-то связано. Что-то важное. Что-то, чего он больше не помнит.

Перед глазами на долю секунды мелькнула картинка: дождь, тяжёлая деревянная дверь, звон колокольчика. И ещё — пальцы, тонкие, с серебряным колечком, касающиеся книжного корешка одновременно с его пальцами.

Картинка исчезла так же быстро, как и появилась.

Алексей моргнул. Улица снова стала просто улицей, книжный магазин — просто старым книжным магазином, в который он, может быть, когда-то заходил, а может, и нет. Мало ли в городе похожих мест?

Он усмехнулся — сухо, невесело, — и пошёл дальше. «Связи разрушены необратимо», — повторил он про себя слова врача. Это была иллюзия. Фантом. Ничего больше.

Но когда он дошёл до перекрёстка и свернул к метро, на губах его вдруг возникло странное, почти забытое ощущение — холодок дождевой капли, смешанный с чем-то солёным. Слеза? Чья? Он не знал. И не хотел знать.

А внутри, где-то глубже, чем способна заглянуть мысль, уже начинался обратный отсчёт. Потому что память — не файл, который можно удалить безвозвратно. Настоящая память вьедается в кости, в кровь, в ритм дыхания. И когда-нибудь — может быть, завтра, может быть, через год, а может быть, прямо сейчас, пока он спускается в подземку и покупает жетон у сонной кассирши, — первый образ, робкий и полупрозрачный, уже плывёт к нему из глубин белизны.

Он ещё не знает, как её зовут. Он ещё не знает, что с ним случилось. Но тоска — глухая, беспричинная, непонятная тоска — уже поселилась на дне его души, как семя, готовое прорасти. И нужно только время.

А пока — метро, вагон, мелькание огней за окном. Он возвращается домой, в пустую квартиру, где никто не ждёт его. Он чувствует себя свободным. Он чувствует себя лёгким.

И не понимает, почему эта лёгкость так похожа на пустоту.

Глава 6. Встреча

Дождь начался внезапно — как это часто бывает в городе, когда небо с утра висит низкое и серое, обещает, но не даёт, а потом вдруг, без предупреждения, разверзается над головой сплошной водяной стеной. Алексей как раз переходил улицу у старого книжного магазина, когда первые крупные капли ударили по асфальту, оставляя на пыльной поверхности тёмные круги размером с монету. Он инстинктивно прибавил шагу, но понял, что не успеет дойти до метро сухим, и потому, поддавшись безотчётному импульсу, толкнул тяжёлую деревянную дверь с медной табличкой «Букинистъ», над которой раскачивался на ветру выцветший зелёный тент.

Над дверью звякнул колокольчик — старомодный, настоящий, с бронзовым язычком, звук которого утонул в шуме дождя, но внутри, в тишине книжного зала, разнёсся отчётливо и мягко, как приветствие из другого времени. Алексей остановился на пороге, отряхивая с волос воду, и вдохнул запах — тот самый, ни с чем не сравнимый запах старых книг: бумажная пыль, кожа переплётов, лёгкая кислинка пожелтевших страниц и что-то ещё, глубокое и тёплое, похожее на запах сухих осенних листьев. Магазин был крошечным, всего одна комната, уставленная от пола до потолка стеллажами, которые прогнулись под тяжестью томов, словно старые деревья. Узкий проход между ними освещался жёлтым светом настольной лампы, стоявшей на прилавке, где дремал седой продавец в поношенном твидовом пиджаке. Кроме Алексея, в магазине был только один посетитель — и этого посетителя он заметил не сразу.

Он прошёл вглубь, ведя пальцем по корешкам, читая имена: Блок, Ахматова, Мандельштам, Цветаева. Он и сам не знал, что ищет. Просто нужно было переждать дождь. Просто хотелось побыть одному. Просто книги всегда действовали на него успокаивающе — они были молчаливыми свидетелями чужих жизней, которые никогда не требовали от него ничего взамен. Он свернул в самый дальний ряд, где стояла русская поэзия двадцатого века, и тут его взгляд упал на тоненький томик в мягкой обложке — «Остановка в пустыне» Бродского. Он читал его когда-то давно, ещё в университете, брал у приятеля и так и не вернул, а потом потерял. Теперь эта книга, с чуть надорванным уголком и выцветшим корешком, смотрела на него с полки как старый друг, от которого не ждали вестей.

Он протянул руку. И в ту же секунду с другой стороны стеллажа, откуда-то из-за книжного развала, вынырнула ещё одна рука — тонкая, с длинными музыкальными пальцами, с небрежно подстриженными ногтями без лака, с серебряным колечком на мизинце. Обе руки коснулись корешка одновременно. Алексей вздрогнул от неожиданности и отчего-то ещё — от слабого, но явственного электрического разряда, который проскочил между их пальцами, как бывает, когда трогаешь металлическую ручку двери. Он отдернул пальцы первым и поднял глаза.

И встретился с ней взглядом.

Сквозь просвет между полками, где книги стояли неплотно, он увидел лицо. Сначала — только глаза, огромные, карие, с длинными ресницами, на которых дрожала не то дождевая капля, не то слезинка от ветра. Потом — брови, чуть приподнятые в немом вопросе. Потом — губы, которые уже начали складываться в извиняющуюся улыбку. И наконец — всё лицо целиком, когда она чуть наклонилась, чтобы лучше видеть сквозь книжную брешь.

— Простите, — сказала она. Голос у неё оказался низковатым для её лёгкой фигуры, с хрипотцой, словно она недавно простудилась или долго молчала. — Я не хотела вас напугать. Просто заметила, что вы тоже смотрите на Бродского.

— Тоже? — переспросил он. Это было глупо, но ничего умнее не пришло в голову. Вся его способность к светской беседе внезапно испарилась, оставив только ощущение, что он стоит босиком на горячем песке.

— Ну да, — она чуть отодвинулась и вышла из-за стеллажа, чтобы оказаться с ним лицом к лицу, а не через книжную дыру. — Я пришла именно за ним. У меня его украли. То есть одолжили и не вернули, что, в общем-то, одно и то же. А это, — она кивнула на томик в его руке (он и не заметил, как успел снять его с полки), — последний экземпляр. Я проверяла.

Теперь он мог разглядеть её целиком. Она была невысокой, но держалась так прямо, что казалась выше. Тёмные волосы, мокрые от дождя, завивались на концах в тугие колечки; несколько прядей прилипли к вискам. Одета — старое серое пальто, явно с чужого плеча или из комиссионки, шарф крупной вязки, который она, видимо, связала сама, и стоптанные, но чистые ботинки. За плечом — холщовая сумка с торчащим из неё углом какой-то книги. От неё пахло дождём и ещё чем-то — может быть, мятой, может быть, миндалём. Он не мог определить точно, но запах этот показался ему удивительно родным.

— Значит, нам с вами суждено сражаться, — сказал он, неожиданно для самого себя. И улыбнулся.

Она тоже улыбнулась — широко, открыто, и на левой щеке появилась ямочка, которую он запомнит на всю жизнь, даже когда всё остальное исчезнет.

— Или, — сказала она, наклонив голову к плечу, — мы можем заключить перемирие. Я знаю тут недалеко одно место, где делают очень приличный кофе. Если вы не против, мы могли бы... ну, читать по очереди? Или хотя бы обсудить, зачем вам Бродский. Это же не самый весёлый поэт для случайного знакомства.

— А я не собирался с вами знакомиться, — ответил он, и тут же понял, как по-дурацки это прозвучало. — То есть я хотел сказать — это случайность. Дождь. Я просто зашёл переждать.

— Дождь, — повторила она таким тоном, словно пробовала это слово на вкус. — Хорошая причина. Но Бродский — это уже не просто дождь. Это, знаете ли, судьба.

Последнее слово она произнесла с иронией, почти насмешливо, но в глазах её при этом мелькнуло что-то серьёзное, спрятанное за шуткой, как драгоценность за подкладкой старого пальто. И Алексей вдруг поймал себя на том, что стоит и смотрит на неё слишком долго — дольше, чем прилично смотреть на незнакомого человека, дольше, чем нужно, чтобы оценить случайную собеседницу. В ней было что-то, что цепляло не внешностью, а присутствием, — особый род внутреннего света, который пробивается сквозь любую оболочку.

— Хорошо, — сказал он, — перемирие. Но книгу покупаю я. Вы можете взять её почитать первой. А я — второй. Идёт?

— Идёт. — Она протянула ему руку — не для поцелуя, а для настоящего, крепкого рукопожатия, и он принял её ладонь в свою. Рука была холодной от дождя, но пожатие — сильным, уверенным, неожиданным для такой хрупкой на вид девушки. И опять — то самое электричество, едва уловимое, как будто между их кожами проскочила искра. Она, кажется, тоже это почувствовала, потому что на секунду задержала его пальцы в своих и посмотрела на него с новым выражением — изучающим, серьёзным, как будто прямо сейчас принимала какое-то решение.

— Анна, — сказала она. — Можно просто Аня.

— Алексей.

— Очень приятно, Алексей. А теперь пойдёмте пить кофе. Я продрогла до костей, пока сюда бежала, и если вы немедленно не согласитесь, я, кажется, просто растворюсь в этой луже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.